

18+

Б.Т.Б.

САША БАСАН

Саша Басан

Б.Т.Б.

«Издательские решения»

Басан С.

Б.Т.Б. / С. Басан — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-538886-5

Редактор-составитель (так называет себя автор повести) после смерти своего деда Б. Т. Б. находит в запертом на ключ ящике стола записи, рассказывающие удивительную историю его семьи, начиная с 1918 года и до конца Великой Отечественной Войны. Трагические события и неожиданная развязка заставят читателя безотрывно следить за поворотами сюжета вплоть до самого его завершения.

ISBN 978-5-00-538886-5

© Басан С.

© Издательские решения

Содержание

От редактора-составителя	6
О важном	7
Часть 1. Внутри	8
Глава 1. Королева	8
Глава 2. Ассимиляция	10
Глава 3. Житье-бытье	11
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Б.Т.Б. Саша Басан

*Ах, боже мой, что б с нами было,
Когда бы это все не зря...
Когда бы разум не затмила
На башне красная заря?!
Кровавая, хмельная,
Хоть пой, хоть волком вой!
Страна моя родная,
А что ж ты делаешь со мной?!
Зоя Яценко и «Белая гвардия»
«Генералы гражданской войны»*

© Саша Басан, 2021

ISBN 978-5-0053-8886-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От редактора-составителя

Рукопись эта, вернее будет сказать, эта масса листов и листиков старой и очень старой бумаги (какую сейчас не встретишь даже в виде справок в районной поликлинике) с заметками, записями, чиркаными-перечирканными, с какими-то датами и именами, занимала весь нижний, самый глубокий, ящик письменного стола моего деда.

Узнал я о существовании удивительных этих заметок только в начале 2019-го года, сразу после смерти их автора – моего деда – Б.Т. Б. До этого же все ящики выдавшего виды дедовского (а, скорее всего, прадедовского) стола были заперты на замок. Когда я еще младшим школьником приезжал погостить в дом родителей моей матери, дед просто и ясно, без всякой таинственности или тревожности, говорил, что в столе лежат квитанции за газ, электроэнергию и прочие бумаги, читать которые мне будет не интересно, а рисовать на них – запрещено.

После же уже упомянутого печального события, когда было необходимо навести порядок в документах, счетах и прочей рутине, я, будучи в полной уверенности, что найду всё это в столе, сходил в сарай, взял небольшой ломик-гвоздодёр и без каких либо проблем открыл все три ящика. В верхних двух, действительно, оказались искомые бумаги, а вот в последнем меня ждал сюрприз. Нет, не просто сюрприз, а сюрпризище, супер-приз, который заставил меня выпасть из своей обычной жизни на следующие пару недель. Именно столько времени мне понадобилось, чтобы просто разобраться в записях, выстроить их в более-менее хронологическом порядке (к сожалению, датами, когда происходили описываемые на конкретном листе события, были снабжены далеко не все из них).

После же этих двух недель, еще примерно месяц ушел на то, чтобы преобразовать разрозненные заметки в нечто цельное, имеющее не только начало и конец, но и некоторый сюжет. Если, прочтя всё это, вы решите, что мне это все-таки не удалось – так тому и быть, я не буду удалять вас из друзей, блокировать в соцсетях и угрожать начистить физиономию, ведь я – не писатель, а текст ниже – не книга. Это просто память. Его, моя, а, возможно, где-то и ваша, мой дорогой, еще читающий в наше время друг.

P.S. На этом я (назову себя «редактор-составитель») умолкаю и передаю слово автору вышеозначенных записей – моему деду – Б.Т.Б.

О важном

Обращаюсь к тому (или к тем), кто, найдя мои записки, решит все это прочесть, или что еще хуже – захочет обнародовать или придать огласке их содержание: «Никогда, слышите, никогда не пытайтесь расшифровывать аббревиатуры, которые будут встречаться в моем повествовании довольно часто. Даже если вам будет совершенно очевидно, кто скрывается, например, под сокращением Б. Т. Б. – не раскрывайте посторонним ничего, кроме, разве что, имени. В данном случае, как вы понимаете, речь идет обо мне – Борисе Т. Б.».

Я говорю это не из-за страха за свою жизнь, которая, насколько я рассчитываю, к моменту обнаружения моих записей, уже закончится, а исключительно для того, чтобы не бросить тень на честные имена потомков тех лиц, которые в моем повествовании могут быть отображены отъявленными мерзавцами, предателями или просто не очень умными и не совсем честными людьми. Я глубоко убежден в том, что не должны дети этих товарищей испытывать стыд и чувство неловкости за то, что носят их фамилии, зачастую, сейчас довольно известные.

Кроме того, заранее прошу прощения за то, что мысли мои, переведенные на бумагу, могут показаться вам бессистемными, разрозненными и нелогичными – в моей голове все они легко и просто превращаются в один длинный и связный рассказ, но, к сожалению, ощущение это пропадает, как только берешь в руки всю стопку моих записей.

Многое из того, что вы здесь прочтете, может вас сильно удивить, ведь раньше вы никогда не слышали от меня ничего подобного. Но, будьте уверены, все это – чистая правда. Почти двадцать пять лет я по крупинкам собирал сведения от участников описываемых событий и их детей – вел переписку, ездил к ним в гости, уговаривал поведать мне хоть что-то, сопоставлял рассказы разных людей, пытаюсь найти в них истину.

Уверяю вас, люди моего поколения, судьбы которых складывались очень не просто, зачастую, предпочитали нести этот груз в одиночку, чтобы не накликать беду на своих близких и не допустить повторения того ужаса, что пережили сами. Поэтому, я не претендую на звание последней инстанции и не уверен, что всегда сохранял объективность суждений, но все, что вы прочтете в моих записках, к сожалению – реальная история моей семьи, как две капли воды похожая на тысячи других, зачастую, еще более трагичных историй.

Что касается хронологии: описываемые события охватывают период с 1918-го по 1945-й годы. Начал же я вести свои дневники в страшный и одновременно прекрасный момент падения колосса, в день смерти страшной машины, пожиравшей людей почти 70 лет – в день принятия декларации о прекращении существования СССР – 26 декабря 1991 года, а закончил сегодня, 5 декабря 2016-го, осознав, что я сказал все, что хотел.

Часть 1. Внутри

Глава 1. Королева

Вспоминать раннее детство, уже находясь в возрасте далеко не юном – дело неблагодарное. Во-первых, все видится чересчур ярким и солнечным, что, конечно, приятно, но совершенно точно искажает истинное положение дел в те далекие времена.

Например, закрывая глаза и пытаясь вспомнить что-нибудь из своего дошкольного прошлого, я каждый раз совершенно ясно вижу жаркий летний день, нашу улицу с почти одинаковыми кирпичными домами, бесконечные поля вокруг, на небе ни облачка. Все взрослые заняты какими-то своими повседневными делами: отец раздает указания рабочим, мама, еще такая молодая и улыбчивая, собирается накрывать на стол, и только я стою совершенно неподвижно в центре всего этого и просто живу свою, тогда еще, счастливую жизнь.

Почему я всегда вижу именно этот (или очень похожий) солнечный день? Разве не было в то время длинной и дождливой осени или лютой зимы с её гололедом, метелью и сугробами, за ночь вырастающими до самых окон? Конечно, были. Так же как были ссоры со старшим братом, нагоняи от отца и какие-то свои, детские проблемы. Но наша память очень избирательна. За что ей огромное спасибо. В противном случае все бы мы долгие годы мучились, постоянно возвращаясь в страшные, или просто неприятные дни, которых на человеческом веку встречается огромное количество.

Но, тем не менее, без рассказа об этом периоде в судьбе моей семьи никакого повествования быть не может, ибо где-то здесь и есть рубеж, разделивший на две очень не равные части жизнь не только моих родных, но и миллионы жизней людей нашей когда-то великой страны. Итак, поехали.

Маму мою – Ф.Я.Б. – все местные жители в своих разговорах иначе как «Королевой» и не называли. Это может прозвучать странно, но иногда люди дают прозвища и исключительно из добрых побуждений. Случай с моей родительницей именно такой – окружающие действительно считали её «королевских» кровей. Кроме того, эта уверенность подкреплялась не только её манерами, поведением, но и одинаково справедливыми и ровным отношением к знакомым и незнакомым людям – от оборванца до большого начальника.

Что касается вопросов крови, которые, как известно из классики – «самые сложные вопросы в мире», то тут мне узнать какие-либо достоверные факты, подтвержденные документами, не удалось долгие годы – в детстве мне это было неважно, а после всех постигших родителей несчастий, отвечать на мои расспросы они попросту отказывались. По слухам, кровь у мамы была, может быть и не королевская, но графская точно.

Все мои попытки (только единожды оказавшиеся успешными) выяснить у бабушки и её сестер, как же графская дочка стала женой, в общем-то, не богатого владельца кирпичного заводика, выходца из самой простой семьи, привели меня к такому выводу: вихрь революции смёл на своём пути не только графское имение, собственность и землю, но и чуть не унёс в небытие и самих представителей благородной фамилии, которую, кстати, пришлось сменить. Те из них, кто каким-то чудом (по малолетству, или еще по какой причине) уцелел – были вынуждены оставить, забыть свою прежнюю жизнь и привычки, и, что самое страшное, себя самих – только такой путь давал возможность остаться в живых, уйти, убежать от этой грязной, чумазой, но такой мощной силы переворота 1917-го года.

Вот что мне удалось узнать, даже не узнать, а, скорее, выудить, вытащить на свет из потаённых уголков памяти моей умирающей двоюродной бабки в самом конце Хрущёвской отте-

пели, когда терять ей было уже нечего, да и атмосфера в стране стала немного менее напряжённой:

«Жили мы хорошо, весело жили. Особенных богатств ни у нашей семьи, ни у родичей деда твоего не было. Титул был, усадьба была, земли немного, но ты не думай, что будничная жизнь наша была похожа на бал из романа Льва Николаевича «Война и мир». Нет, времена были уже совсем не те, война, в стране настроения тяжёлые, смутные, смерть и нищета кругом. Конечно, нашего маленького мирка это всё касалось не так часто и не так сильно, да и мы ещё совсем девчонками были, не понимали и не замечали многого. Когда отец в феврале 1917-го рассказал нам об отречении Николая и появлении некоего Временного правительства мы, конечно, испугались, как так, без царя Россия жить будет, да и только. Никто тогда и представить не мог, что через восемь месяцев грянет Октябрь, а еще через год мы останемся не то что без титула или земли, а вовсе без дома и шансов на дальнейшую нормальную жизнь.

Октябрьскую революцию в нашей глуши народные массы встретили, конечно же, радостно, но усадьбы не жгли, дома не грабили, ни на кого не нападали – не за что им было на деда твоего обиду держать. Был он человеком прогрессивным, не жадным и, что самое главное, до чужих болей чутким – то в больницу поможет определить роженицу с осложнениями, то для местных ребятишек на свои деньги откроет что-то вроде школы прямо в нашем доме.

Но то местные. К середине 1918-го года добрались до наших краёв революционеры столичные, властью наделенные, до чужого добра ненасытные, сердцем жестокие. Главным был у них какой-то весь перекошенный и поминутно по-звериному скалившийся «товарищ Т.». Так мы и не узнали, чем же так провинились перед новой властью наш дед и отец, но только их сразу арестовали по какому-то надуманному предлогу, а нам дали 24 часа на то, чтобы освободить дом. Теперь, спустя годы, мне кажется, что вся эта операция преследовала только одну цель – разграбить усадьбу и, заодно, доложить наверх о ещё двух арестованных контрреволюционерах. Думаю, их и не судил-то никто – вывезли в лес и расстреляли. Почему я так говорю? Потому что мы так и не смогли найти ни в одном архиве ничего о том, куда они пропали после ареста. Исчезли люди и все. И дела никому нет. Революция».

Так я узнал, как состоящая теперь целиком из женщин и детей, семья графа Н. М. Г., перебралась в небольшое селение на востоке Малороссии, где и осела на следующие четырнадцать лет, пока не столкнулась с новой волной гонений.

Глава 2. Ассимиляция

Переезд, даже самый обычный, из одной квартиры в другую, в мирное время, на автомобилях – всегда целая эпопея, доставляющая массу хлопот и проблем. Что же говорить о переезде, точнее, самом настоящем бегстве из родного дома в разгар гражданской войны, в огне революции, да ещё и в самое настоящее «никуда».

Единственным условным плюсом, если во всем этом ужасе вообще могут быть плюсы – на дворе стояли тёплые майские дни. И, что немаловажно – ночи. Дорога на Юг, до поселка, в котором, судя по прошлогодним письмам, собирались обосноваться дальние родственники, обещала быть долгой – не меньше двух недель при самом благоприятном раскладе.

Обоз беглянок был невелик, состоял он всего из двух телег, запряженных самыми слабыми из графских лошадей (всех остальных реквизировали), в которые смогли поместиться пять женщин, четверо детей и совсем немного скарба – тёплая одежда, еда в дорогу, сундук с минимумом дорогих сердцу вещей, да альбом с фотографиями. Ничего ценного в материальном плане забрать, конечно же, не дали – жадность товарищей, собирающихся строить общество, не нуждающееся в деньгах и основанное на всеобщем равенстве, не знала границ.

Тема этого переезда была одной из немногих не запрещенных в нашей семье, видимо потому, что в те далекие времена мама и сама ещё была ребенком и запомнила достаточно мрачные события в более светлом и мягком свете, чем было на самом деле. Кроме того, эта история нравилась мне больше всех остальных, даже больше настоящих сказок, поэтому я слышал её множество раз перед сном.

По рассказам матери, то путешествие стоило моей бабушке и тетушкам нескольких новых морщин, седых прядей и почти всех хоть сколько-то ценных вещей. Некоторые из них приходилось обменивать на хлеб, а некоторые – просто отдавать за право проехать целыми и невредимыми через очередную импровизированную заставу. Зато все остались живы, и на том спасибо.

В конце концов, до нового места жительства из всей поклажи добрались только некоторые летние дамские вещи, которые лесным разбойникам просто некуда было деть в той глуши, где они промышляли, да фамильный альбом с фотографиями, пользы от обладания коим никому быть не могло, кроме его хозяйки.

Никто никаких обещаний по поводу нового места жительства нашим путешественникам не давал, поэтому и разочаровываться было не в чем. На самом же деле, ситуация была, хоть и не смертельная, но, по меньшей мере, критическая – никаких дальних родственников в поселке не оказалось, видимо, они или передумали переезжать, или (об этом было страшно даже подумать) – не доехали, в самом худшем смысле этого слова.

Обоз прибыл на окраину селения на закате, поэтому первую ночь на новом месте переселенцы провели так же, как и все последние ночи – спали кто в телеге, кто на земле рядом, подложив большой пучок свежесорванной травы под голову.

Ночь прошла тихо и спокойно, в этих местах, казалось, никто и не слышал ни про какую революцию и гражданскую войну. Поутру же «предводитель каравана» (моя бабушка) отправилась налаживать контакты с местными – ехать дальше смысла не было, а вот подождать тут родственников казалось очень неплохой идеей.

С новым жильем определились почти сразу, отблагодарив местного голову, оставив ему одну лошадь с телегой. Семье было разрешено занять пустующий дом, осиротевший после того, как его хозяин сгинул в 1916-м под Торчином во время заключительного этапа Брусиловского прорыва. Ассимиляция началась.

Глава 3. Житье-бытье

Новая жизнь получалась, как бы это сказать, новой вдвойне: нужно было поменять не только место обитания, но и научиться существовать в совершенно новых условиях – без денег, прислуги, усадьбы, и, что еще хуже – без профессии, которая могла бы пригодиться на селе. Знание французского и английского языков, умение играть на рояле и скрипке и правильно вести себя в обществе, на первых прах тут были точно без надобности.

Но, как это часто бывает, нужда – лучший учитель. Уже через неделю, благодаря собственному неумелому, но самоотверженному труду на грядках и помощи местных (кто помог словом, кто семенами-саженцами, кто инструментом да мужской силой) удалось разбить огород, привести в порядок сад. Стало ясно, что если найти хоть какую-то работу, то, с учетом возможного будущего урожая, пережить зиму будет вполне по силам. Денег же на первое время хватило тех, что выручили за вторую телегу и лошадь, да за проданные в местную лавку мелочи, вроде карманного зеркальца, гребня, атласных лент и прочей дамской атрибуции.

Ещё одним крайне тонким и таящем в себе опасность моментом было то, что все местные жители прекрасно понимали, кто так внезапно свалился к ним на голову. Конечно, настоящей фамилии переселенцев они узнать не могли, по «официальной» версии все документы сгорели при пожаре в родном доме, но всем всё было ясно и так – барыни в бегах. Если бы судьба привела графинь в более бедную, или в более «красную» деревню – беды было бы не миновать – обязательно бы донесли местным «товарищам», и на этом бы история моего рода могла бы и закончиться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.